

«Я начал формирование боевых единиц как в Москве, так и в провинции»

Письма Б.В. Савинкова на белый Юг о деятельности
антибольшевистского подполья. 1918 г.

В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) хранится уникальный архив крупнейшего военного деятеля России эпохи Первой мировой и Гражданской войн генерала Михаила Васильевича Алексеева (1857–1918), поступивший в Россию в июне 1994 г. из Аргентины от внуков генерала Марии Михайловны Борель-Бауман и Михаила Михайловича Бореля¹.

Часть материалов этого собрания введена в научный оборот еще представителями русской эмиграции, в том числе дочерью Алексеева². Условием передачи архива в Россию было обязательство «обеспечить свободный доступ к нему исследователям»³. Но после короткого периода открытости, за который с коллекцией успели ознакомиться отдельные специалисты⁴, архив Алексеева почти на два десятилетия оказался недоступен для изучения⁵. Фактически работать с этими материалами могли только хранители Отдела рукописей. Признавая значительную научную ценность подготовленных в тот период одной из сотрудниц ОР РГБ объемных публикаций⁶, отметим, что, к сожалению, не

¹ Часть документов архива М.В. Алексеева хранится также в Государственном архиве Российской Федерации.

² Из дневника генерала Алексеева // Русский исторический архив. Прага, 1929. Сб. 1. С. 11–56; Дневники, записи, письма ген. Алексева и воспоминания об отце В.М. Алексеевой-Борель // Грани. 1982. № 125. С. 122–306; Алексева-Борель В.М. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000 и др. Коллекция скончавшейся в 1992 г. дочери генерала Веры Михайловны Алексеевой-Борель хранилась в архиве Общества ревнителей русской истории в Париже (Шапрон дю Ларрэ А.Г. Воспоминания о выезде из Петрограда в 1917 году // Русское прошлое (Санкт-Петербург). 1993. Кн. 4. С. 152).

³ Верный воинскому долгу. Фотографии из аргентинского архива генерала от инфантерии М.В. Алексева / публ. И.А. Анфертьева // Исторический архив. 2004. № 3. С. 8.

⁴ В частности, ряд важных документов из этой коллекции использовал в своей монографии военный историк О.Р. Айрапетов (Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003). Фотоматериалы архива опубликовал И.А. Анфертьев (Верный воинскому долгу. Фотографии из аргентинского архива генерала от инфантерии М.В. Алексева / публ. И.А. Анфертьева // Исторический архив. 2004. № 3. С. 4–22).

⁵ Увидело свет даже монографическое жизнеописание Алексева, автор которого не имел доступа к этому архиву (Цветков В.Ж. Генерал Алексеев. М., 2014).

⁶ «Во имя честности, во имя любви к нашей дорогой России». Письма генерала М.В. Алексеева к сыну Николаю / публ. Л.Ф. Павликовой // Источник. 1997. № 3. С. 4–30; «Сотрудники “Азбуки” свято исполнили долг». О разведывательной организации В.В. Шульгина / публ. Л.Ф. Павликовой // Там же. С. 60–72; «Оттянуть Гражданскую войну не удастся». К истории формирования Добровольческой армии / публ. Л.Ф. Павликовой // Источник. 1999. № 3. С. 8–58; Алексеев М.В. Письма из Маньчжурии жене

все опубликованные документы были корректно атрибутированы и интерпретированы⁷. Лишь несколько лет назад к этим документам открыли свободный доступ для исследователей, что позволяет вводить в научный оборот новые источники, связанные с деятельностью Алексеева. Многие документы уже опубликованы, но, тем не менее, коллекция еще таит в себе немало открытий.

Среди тех бумаг, которые до сих пор оставались неизвестными, два письма профессионального революционера, человека, сыгравшего видную роль в событиях Гражданской войны в России, Бориса Викторовича Савинкова (1879–1925), датированные январем и июнем 1918 г. Первое из них адресовано генералу Алексееву, второе – неустановленному лицу.

Этот период деятельности Савинкова можно назвать одним из наименее изученных. Знаменитый эсер-террорист в конце 1917 г. приехал на Дон, где провел полтора месяца и вошел в состав Донского гражданского совета во главе с генералом Алексеевым. Последний, учитывая террористическое прошлое Савинкова, относился к этому революционному деятелю отрицательно. По свидетельству дочери генерала, «отец отзывался о Савинкове как об убийце, говоря, что нет разницы между убийцей на большой дороге и политическим»⁸. Оценка дочери подтверждается и фразой из записной книжки Алексеева за ноябрь 1917 г.: «Парализовать Савинкова»⁹. Да и сам Савинков на допросе в ВЧК 21 августа 1924 г. признался, что на Дону «встретил отношение полувраждебное»¹⁰. О непростых взаимоотношениях свидетельствовал и белый эмиссар в Москве генерал Б.И. Казанович, которому Алексеев в мае 1918 г. поручил встретиться с Савинковым, предупредив, «что от него немного узнаешь, а что, наоборот, он будет стараться выведать как можно больше»¹¹.

Тем не менее, в условиях разгоравшейся Гражданской войны Алексеев ради пользы дела пошел на сотрудничество с Савинковым. Донской совет в январе 1918 г. командировал его в советский центр для установления связи с подпольем. Как вспоминал сам посланец, ставилась задача «войти в сношение с некоторыми известными демократическими деятелями, в том числе с [Н.В.] Чайковским. Я должен был предложить им приехать на Дон и принять участие в заседаниях “Совета”»¹². Эмиссара снабдили удостоверением за подписью Алексеева, которое он зашил в полушубок¹³.

Именно вопросам организации антибольшевистского подполья в Советской России посвящены письма, предлагаемые вниманию читателей. Идея Савинкова как прагматика и практика революционной борьбы заключалась в широкой антибольшевистской коали-

(1904–1906) / публ. Л.Ф. Павликовой // Записки Отдела рукописей. М., 2004. Вып. 52. С. 264–358; Алексева М.В. Записная книжка 1917–1918 гг. / публ. Л.Ф. Павликовой // Записки Отдела рукописей. М., 2008. Вып. 53. С. 298–432.

⁷ К примеру, письмо генерала А.И. Деникина генералу М.В. Алексееву датировано публикатором 24 марта 1918 г. («Оттянуть Гражданскую войну не удастся». С. 25), хотя в действительности написано 24 июня 1918 г. (ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 3. Д. 42. Л. 5). Не были установлены некоторые очевидные специалистам фигуранты документов (например, ближайший сотрудник генерала Алексеева подполковник Я.М. Лисовой, а также полковники С.Н. Ряснянский и Б.А. Штейфон – «Сотрудники “Азбуки” свято исполнили долг». С. 63, 69, 70) и т. д.

⁸ Алексева-Борель В.М. Указ. соч. С. 648.

⁹ Алексева М.В. Записная книжка 1917–1918 гг. С. 325.

¹⁰ Борис Савинков на Лубянке: Документы. М., 2001. С. 68.

¹¹ Казанович Б.И. Поездка из Добровольческой армии в «красную Москву». Май–июль 1918 г. // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 195.

¹² Савинков Б.В. Борьба с большевиками. Варшава, 1920. С. 23.

¹³ Там же.

ции, которая только и могла привести к успеху противников новой власти. Письма Савинкова на белый Юг доставлялись посредством курьеров.

Судя по содержанию первого письма, Савинков первоначально побывал в Москве, а затем уехал в Петроград. В письме Алексееву из Петрограда от 30 января 1918 г. он общался о работе в «колыбели революции», где пытался организовать восстание столичного гарнизона (по данным на начало марта 1918 г., его численность составляла около 34000 человек¹⁴). Работа велась, в основном, среди гвардейских полков.

Действительно, в дислоцированных в Петрограде гвардейских частях (Преображенском, Измайловском, Московском полках) тогда существовали контрреволюционные офицерские группы¹⁵, а с солдатскими массами активно работали эсеры. Вместе с тем настроения солдат оставались неопределенными при несомненной популярности идеи Учредительного собрания¹⁶. Управляемость, дисциплинированность и лояльность войск столичного гарнизона в начале 1918 г. были минимальны¹⁷ – значимые приказы обсуждались на общих собраниях частей и не всегда в итоге выполнялись. Большевицкое руководство предпринимало меры по сокращению гарнизона. Однако сокращение путем отправки войск на борьбу с контрреволюцией только ослабляло власть, поскольку соглашались отправляться лишь наиболее лояльные части¹⁸. Ощутимой была инертность оставшихся в столице солдатских масс, что не позволяло рассчитывать на них контрреволюционерам, надеющимся на массовое солдатское восстание. Во всяком случае, попытка эсеров поднять восстание в защиту Учредительного собрания в начале января 1918 г. успехом не увенчалась¹⁹. На этом фоне надежды на антибольшевистское выступление более правого политического спектра были и вовсе призрачными.

Выступление еще только намечалось, но подпольщики уже расписали состав министров проектируемого правительства. Разогнанное большевиками Учредительное собрание Савинков считал избранным в период междоусобной войны в стране и неудовлетворительным. Из нового состава этого органа он предполагал исключить большевиков и левых эсеров. Помимо попыток работать с гвардейскими частями Савинков также вел переговоры с представителями демократических кругов и поляками.

В деле подготовки восстания в Петрограде Савинков не преуспел, хотя поставленную задачу налаживания контактов с петроградскими деятелями выполнил. По всей видимости, тогда он еще не видел себя руководителем подполья в советском центре и отмечал, что без нужды не желает подвергать себя риску и находиться в Петрограде и Москве. Вскоре его позиция изменилась.

Уехав в феврале 1918 г. в Москву, Савинков занялся активной организаторской работой по сколачиванию подпольных организаций военного характера. Второе из публикуемых писем подробно освещает период его деятельности с февраля по июнь 1918 г. В Москве Савинков установил связь с офицерским подпольем и позднее организовал «Союз защиты родины и свободы». Помогали ему в том числе старшие офицеры с академическим образованием – генерал-лейтенант В.В. Рычков как командующий и полков-

¹⁴ Тарасов К.А. Солдатский большевизм. Военная организация большевиков и леворадикальное движение в Петроградском гарнизоне (февраль 1917–март 1918 г.). СПб., 2017. С. 330.

¹⁵ Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000. С. 347–350, 395–396, 408.

¹⁶ Тарасов К.А. Солдатский большевизм. С. 291.

¹⁷ Там же. С. 343.

¹⁸ Там же. С. 324–325.

¹⁹ Там же. С. 291–293.

ник А.П. Перхуров в качестве начальника штаба организации. Последний был направлен в Москву по приказу генерала Л.Г. Корнилова²⁰.

В апреле 1918 г. Савинков через курьера сообщил о своей работе генералу Алексееву, после чего подпольщики через чехословаков получили 200000 руб., а затем от французского посла Ж. Нуланса еще два с половиной миллиона рублей, в том числе два миллиона рублей на подготовку восстаний²¹. Вероятно, какие-то из этих поступлений подразумевались под фразой из письма Савинкова: «В апреле мне была оказана помощь».

После этого подпольная работа расширилась. По свидетельству Савинкова, «Союз защиты родины и свободы» к середине мая насчитывал около 5000 членов, в том числе 2000 в Москве и 3000 в 34 других городах.

Вскоре организация попала в поле зрения ВЧК. В конце мая – начале июня чекисты провели масштабные аресты подпольщиков, арестовав до ста человек, что привело к ликвидации московской организации. Однако руководящий состав аресты не затронули, поэтому «Союз» смог продолжить работу.

Контакты с представителями Добровольческой армии продолжались²². В частности, в июне 1918 г. в Москву по заданию генералов М.В. Алексеева, А.И. Деникина и И.П. Романовского прибыл генерал Б.И. Казанович. Среди стоявших перед ним задач была организация московского подполья, поиск средств для Добровольческой армии, как уже отмечалось, и встреча с Савинковым²³. Такая встреча действительно состоялась, причем Савинков в общих чертах рассказал о подготовке выступлений вокруг Москвы²⁴. Впрочем, Казанович не дал оценки этому плану ввиду неопределенности сведений и отсутствия данных о силах подпольщиков.

После московских арестов члены «Союза» сосредоточили усилия на подготовке восстаний в городах Верхней Волги – Ярославле, Рыбинске, Костроме, а также в Муроме, где располагались структуры руководящего советского военного органа – Высшего военного совета. Позднее Савинков утверждал, что, согласно выработанного в июне плана, «союзники, высадившись в Архангельске, могли бы без труда занять Вологду и, опираясь на взятый нами Ярославль, угрожать Москве. Кроме Рыбинска и Ярославля, предполагалось также завладеть Муромом (Владимирской губ.), где была большевистская ставка, и, если возможно, Владимиром на востоке от Москвы и Калугой на юге. Предполагалось также выступить и в Казани. Таким образом, нанеся удар в Москве, предполагалось окружить столицу восставшими городами и, пользуясь поддержкой союзников на севере и чехословаков, взявших только что Самару на Волге, поставить большевиков в затруднительное в военном смысле положение»²⁵. Впрочем, стратегический смысл такой географии восстаний (закрепление на Верхней Волге в ожидании высадки союзников в Архангельске, поддержка антибольшевистского фрон-

²⁰ И.А. Ильин: pro et contra. СПб., 2004. С. 106; Клементьев В.Ф. В большевицкой Москве (1918–1920). М., 1998. С. 17.

²¹ Савинков Б.В. Борьба с большевиками. С. 25–26; Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного суда СССР. М., 1924. С. 58–59, 63; Борис Савинков на Лубянке: Документы. С. 92.

²² Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного суда СССР. С. 70–71.

²³ Подробнее см.: Ганин А.В. Сам Савинков вышел на связь... Как деникинский генерал Борис Казанович организовывал белое подполье в Москве // Родина. 2018. № 8. С. 119–122.

²⁴ Казанович Б.И. Поездка из Добровольческой армии в «красную Москву». С. 195.

²⁵ Савинков Б.В. Борьба с большевиками. С. 32.

та в Поволжье, концентрическое наступление на Москву) остается предметом споров и предположений²⁶.

Второе письмо Савинкова на белый Юг, датированное 10 июня 1918 г., сохранилось в копии, переписанной адъютантом, личным секретарем, казначеем, телохранителем, другом и ближайшим соратником лидера «Союза» прапорщиком Флегонтом Фирсовичем Клепиковым (в документе он подписан как юнкером Павловского военного училища). Клепиков ранее состоял в боевой организации партии эсеров. В 1917–1918 гг. сопровождал Савинкова в его поездках на Дон и в Петроград, а летом 1918 г. по заданию Савинкова уехал в Казань²⁷.

Адресат письма не указан. Возможно, оно направлялось командованию Добровольческой армии без конкретного получателя, однако в итоге попало к Алексееву и сохранилось среди его бумаг, либо же автор сознательно не указывал адресата в целях конспирации. Дочь генерала, опубликовавшая отрывки из этого письма, утверждала, что оно адресовано некоему «[господину] Х.»²⁸, но из имеющейся в нашем распоряжении копии письма это не следует. По свидетельству В.М. Алексеевой-Борель, это письмо в копии Савинков приложил к еще одному письму, адресованному Алексееву. К сожалению, обнаружить последнее пока не удалось.

Во втором письме Савинков обрисовал непростую обстановку в московском подполье, раздираемом противоречиями по вопросу ориентации на Антанту или Германию. Далее автор письма изложил подробности своей работы по объединению московских подпольных организаций и историю созданного им «Союза». Интересны приводимые им данные о составе и численности «Союза». И хотя сведения о подпольной работе перекликаются с опубликованными в 1920 г. в Варшаве воспоминаниями Савинкова «В борьбе с большевиками», значимости его непосредственного свидетельства, датированного началом июня 1918 г., это не снижает. Следует также учитывать цель написания письма – наряду с информированием белого командования о текущем положении подполья в Центральной России, речь шла о поиске финансирования. Следовательно, требовалось представить максимальную численность организации, чтобы получить на нее и наиболее существенные денежные средства. На случай отказа от финансовой помощи Савинков пытался шантажировать руководителей Добровольческой армии возможной переориентацией подпольщиков на Германию.

Документ содержит краткую информацию и о подготовке восстаний («Придя к необходимости отказа от выступления в Москве, я, по указанию штаба “Союза”, остановился на городе N»). Скорее всего, речь шла о Ярославле. Впрочем, подпольщики после московской неудачи эвакуировали руководящие органы «Союза» в Казань, рассчитывая на восстание там²⁹. Поэтому возможен и этот вариант.

В целом же письма видного организатора и руководителя антибольшевистского подполья о нелегальной работе в Петрограде и Москве чрезвычайно значимы для понимания хода и особенностей тайной борьбы в период гражданского противостояния в 1918 г.

Организованные «Союзом» в июле 1918 г. восстания в Ярославле (6–21 июля), Рыбинске (8 июля) и Муроме (8–10 июля) были подавлены (захваченный полковником Перхуровым Ярославль продержался 16 дней), а подпольщикам пришлось спасаться, пробираясь на зарождавшиеся антибольшевистские фронты. Выступление в Казани

²⁶ Подробнее см.: Кручинин А.С. Муромское антисоветское восстание (1918): истоки и предыстория // Уваровские чтения–V. Материалы научной конференции, посвященной 1140-летию г. Мурома. Муром, 2003. С. 283–286.

²⁷ О дальнейшей деятельности Ф.Ф. Клепикова см.: Ганин А.В. Закат Николаевской военной академии. 1914–1922. М., 2014. С. 227, 229–231, 285–288, 646.

²⁸ Алексеева-Борель В.М. Указ. соч. С. 650.

²⁹ Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 1. С. 90.

было предотвращено. Десант союзников высадился в Архангельске не через четыре дня после восстаний, как Савинков сообщал Перхурову³⁰, а лишь 2 августа, причем Вологду союзники так и не заняли. Весь план провалился. Интересно, что в Ярославле руководители восстания действовали от имени генерала Алексеева³¹.

Савинков некоторое время скрывался в Новгородской губернии, побывал в Петрограде, Нижнем Новгороде, а затем отправился в Казань, которую 7 августа заняли войска Народной армии Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания.

Очевидно, что публикуемыми документами переписка Савинкова с белым Югом не исчерпывалась. Подтверждает это в первом письме и сам Савинков. Дочь Алексеева также цитировала еще одно письмо Савинкова Алексееву³². Будем надеяться, что дальнейшие поиски приведут к новым архивным находкам.

Документы публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригиналов.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 17-81-01022-ОГН «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии».

Публикацию подготовил доктор исторических наук А.В. ГАНИН.

№ 1

Письмо Б.В. Савинкова М.В. Алексееву¹

Петроград

30 января 1918 г.

Многоуважаемый Михаил Васильевич.

В предыдущем письме я имел честь сообщить Вам о положении дел в Москве и о результатах моих московских переговоров. То, что я нашел в Петрограде, поставило передо мной некоторые вопросы, которые, по моему мнению, подлежат суждению Совета².

В Петрограде в противоположность Москве работает всего лишь одна заслуживающая внимания организация, беспартийная, руководимая одиозным для Совета лицом, имени которого я не хочу упоминать в письме³. Остальные организации, в том числе организация ПСР⁴, в счет не идут.

Работа ведется, главным образом, в частях петроградского гарнизона – в полках Преображенском, Семеновском, Волынском, Павловском, Гренадерском, Измайловском и отчасти во 2-м флотском экипаже. Работа эта имеет успех и производится в значительной степени на средства тех же лиц, которые обеспечивают наше предприятие. Вооруженные силы в настоящее время настолько велики, что возможно допустить вероятность удачного выступления при некоторых благоприятных обстоятельствах, напр[имер], при почти неизбежном народном волнении на почве недостатка хлеба. Мнение о возможности удачного выступления разделяется теми лицами, которые снабжают организацию средствами. Разумеется, возможна ошибка, хотя нельзя не отметить, что недовольство большевиками в Петрограде все нарастает, и что рознь между солдатами и красногвардейцами все

³⁰ Бройде С. и М. Ярославский мятеж. По запискам генерала Перхурова. М., 1930. С. 25; Перхуров А.П. Исповедь приговоренного. Рыбинск, 1990. С. 13.

³¹ Ярославское восстание. 1918. М., 2007. С. 28–29, 33.

³² Алексеева-Борель В.М. Указ. соч. С. 651.

М.В. Алексеев

Б.В. Савинков

увеличивается. Силы большевиков исчерпываются матросами и красной гвардией, что же касается военнопленных, то они не вооружены, численность же латышских частей незначительна.

В случае удачного выступления организация предполагает:

1. Образовать военный комитет из представителей частей петроградского гарнизона для общего управления страной и при комитете этом деловые министерства, персональный состав которых уже отчасти намечен по принципу союза имущих классов и государственно-мыслящей демократии.

2. В кратчайший срок созвать Учредительное собрание в его настоящем составе, исключив, однако, большевиков и левых эсеров, освободившиеся места которых должны быть замещены путем новых, дополнительных выборов.

Организация желает вступить в соглашение с нами. Не имея на этот предмет полномочий, я, оговорившись, что высказываю свое личное мнение, позволил себе заявить следующее:

1. Никакое правительство не должно быть организовано без предварительного соглашения с нами.

2. Изложенное выше решение вопроса об Учр[едительном] собр[ании] не может считаться удовлетворительным, ибо данный состав Учр[едительного] собр[ания] был избран в момент междоусобной войны. Утверждая в полной мере принципы народовластия, я полагал бы, однако, что Учр[едительное] собр[ание] должно быть создано лишь тогда, когда в стране будут спокойствие и порядок.

3. Намечаемый в Петрограде переворот является по существу переворотом преторианским⁵, отдающим страну снова в руки петроградского гарнизона и его комитетов.

4. Соглашение с нами затрудняется одиозностью того лица, которое стоит во главе организации.

Я думаю, однако, многоуважаемый Михаил Васильевич, что так как в Петрограде переворот действительно может произойти и так как в наших интересах, чтобы переворот этот произошел в тесной связи с нами, то соглашение между нами и петроградской организацией совершенно необходимо на следующих условиях:

1. В руководящий орган петроградской организации входит член нашего Совета и офицер Ген[ерального] штаба, назначенный Советом.

2. Вопрос о составе правительства и об Учр[едительном] собр[ании] решается по соглашению с нами.

3. В случае удачного переворота Дон помогает Петрограду хлебом.

Имею основания предположить, что на условия эти организация согласится, ибо она ищет соглашения с нами, в частности, со мной. Лица, обеспечивающие ее средствами, вероятно, тоже будут настаивать на соглашении, ибо стоят на точке зрения единения всех сил, борющихся против большевиков.

Я бы просил дать мне ответ на следующие вопросы:

1. Признает ли Совет желательность соглашения с петроградской организацией?

2. Если признает, то на каких условиях?

3. Если на условиях, изложенных выше, то не поручить ли мне сношения с петроградской организацией, что пойдет навстречу ее желанию? Несмотря на затруднительность для меня пребывания в Петрограде и в Москве, я бы такое поручение принял.

Весьма ходатайствую о спешности⁶, ибо имею сведения, что большевики усиленно разыскивают меня, а без нужды не желаю подвергаться риску. Ответ прошу прислать с подателем. Найти меня можно через представителя нашей московской организации. Ждать ответа буду 2 недели от сего 30-го января и надеюсь, что одновременно Вы поставите меня в известность о том, что делается на Дону, ибо здесь ходят о Доне самые невероятные слухи.

Что касается моих переговоров с представителями государственно мыслящих демократических групп, то переговоры эти затруднены отсутствием из Петрограда некоторых из предположенных Советом лиц. Еще раз отмечаю, что переговоров с ними до сих пор не велось, и письма мои, пересланные через Совет, им доставлены не были. Не могу утверждать, что лица эти войдут в Совет, хотя и не теряю на это надежды, но, думаю, что вправе заявить, что их активное, хотя и неофициальное сочувствие обеспечено. Переговоры с поляками тоже затрудняются отсутствием их полномочных представителей из Петрограда. О последующем сообщу при первой оказии.

В надежде получить от Вас, многоуважаемый Михаил Васильевич, скорый ответ, прошу принять уверения в моем глубоком уважении и преданности.

Б. Савинков

ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 3. Д. 68. Л. 1–3. Подлинник. Автограф.

№ 2

Письмо Б.В. Савинкова неустановленному лицу

[10 июня 1918 г.]

Милостивый государь.

Имею честь довести до Вашего сведения следующее.

Выехав в конце января из Новочеркасска в Петроград и Москву в качестве члена так называемого «Донского совета», председателем которого был ген[ерал] Алексеев, я, исполняя возложенное на меня «Советом» поручение, был отрезан в конце февраля от Дона начавшейся большевистской революцией на Дону и вынужден был помимо моей воли остаться в Москве. Здесь я совместно с полковниками Р.⁷ и С.⁸ приступил к созданию военной организации на политической платформе Донского совета, т. е. на платформе беспартийного единения русских граждан для свержения большевистского правительства, для установления национальной власти и для продолжения войны с немцами.

Случилось так, что ко мне почти немедленно примкнули представители некоторых беспартийных военных групп Москвы, причем общая численность членов этих групп на бумаге превышала 4000 человек. Эти бумажные цифры нуждались в проверке, каковая и была произведена в марте и дала результат, который возможно было предвидеть. Если цифра не была преувеличена, то зато люди были не организованы, не подчинены дисциплине и не руководимы единым штабом, а потому и не представляли собой боевой силы. Убедившись в этом, я начал формирование боевых единиц как в Москве, так и в провинции по типу полков ка-

дрового состава (до взводных командиров включительно), полагая, что этот тип формирований достигает не только конспиративных и ударных целей, но и обеспечивает возможность, при притоке добровольцев, развернуть в будущем полки до нормального состава и тем положить начало воссозданию русской армии. К сожалению, ограниченность денежных средств не позволила в марте сформировать сколько-нибудь значительные боевые силы.

В апреле мне была оказана помощь, что дало мне возможность создать нормальный штаб с его учреждениями и приступить к формированиям в более широком масштабе. В мае работа продолжалась, организация приняла название «Союз защиты родины и свободы», и к 15-му мая насчитывала уже до 2000 комбатантов в Москве, сформированных на 80 % в полки кадрового состава и только на 20 % в студенческие и белогвардейские группы, и свыше 3000 комбатантов в 34 обслуживаемых в городах провинции, а всего свыше пяти тысяч человек всех партий от конституционных монархистов до правых социал-демократов и социалистов-революционеров включительно.

Параллельно с названным «Союзом» в Москве существовали еще две военных организации: одна, беспартийная, политически руководимая так называемым «Правым центром» и насчитывающая в своих рядах до тысячи человек, не считая провинции, сформированных тоже по указанному выше типу, и другая – партия соц[иалистов]-рев[олюционеров], ныне политически руководимая так называемым «Левым центром»⁹.

Ни к левому, ни к правому центру я не считал возможным примкнуть. Сохраняя дружеские отношения с первой военной организацией, стремясь к техническому соглашению между всеми тремя и поддерживая связь с Добровольческой армией генералов Корнилова¹⁰ и Алексеева, я, вместе с тем, оставлял за «Союзом» свободу политического действия. Я сделал это потому, что «Донской совет» прекратил свое существование, а ни левый, ни правый центры не стояли на его платформе, т. е. не объединяли на национальной идее все партии от правых социалистических до конституционно-монархической. По-моему же мнению, и, смею утверждать, на основании моего участия в Донском совете, по мнению генералов Алексеева, Корнилова и Каледина¹¹, объединение левых и правых в своего рода «Священный союз» должно служить краеугольным камнем национальной политики, имеющей в виду продолжение войны с немцами. Когда же в некоторой части «Правого центра» наметилась немецкая ориентация и центр этот, сохраняя внешнее единство, внутренне раскололся, мною совместно с некоторыми политическими деятелями, принадлежащими к разным партиям, было приступлено к созданию взамен его нового центра с программой Донского совета. Центр этот уже почти закончен образованием¹², я надеюсь, что ген[ерал] Алексеев не откажется в него войти, и что, с другой стороны, левый центр пойдет навстречу соглашению с ним. Таким образом, будет достигнуто единение не только политическое, но и военное. Конечно, военная организация партии соц[иалистов]-рев[олюционеров] в состоянии правильно функционировать, и поскольку военная организация, политически руководимая «Правым центром», еще не распалась под влиянием разногласий по вопросу о союзной или немецкой ориентации.

В ходе работы для меня выяснилось, что выступление в Москве является политической ошибкой, ибо в случае успеха немцы, несомненно, двинут на Москву

свои войска и поэтому новая, национальная власть будет вынуждена за невозможностью защищать столицу взять на себя *odium*^a оставления Москвы, что, конечно, не будет способствовать укреплению этой власти. Придя к необходимости отказа от выступления в Москве, я, по указанию штаба «Союза», остановился на городе N¹³.

В конце мая я представил Вам смету расходов на эту операцию, исчисленную в 2981000 рублей, при предположении эвакуации около 1800 человек, каковой состав ударной группы при помощи местных сформированных ударных частей обеспечивал несомненный первоначальный успех. В смете мне было отказано. Мне было выдано лишь 750 тысяч рублей.

Я тогда же обратил Ваше внимание, что эта сумма не дает мне возможности приступить к указанной операции с[о] значительными шансами на успех. Кроме того, я обратил Ваше внимание, что такое компромиссное решение вопроса неизбежно отразится на «Союзе», ибо члены его усмотрят в этом решении слабость штаба, что внесет деморализацию, а деморализация повлечет за собою аресты. Объяснить же, что решение это исходит не от штаба, а от союзников не было возможно ввиду немецкой пропаганды в Москве, неизбежности разочарования людей в союзниках и перехода их в уже начавшиеся немецкие формирования в Москве и провинции, определенно противобольшевистского направления.

Мои предположения сбылись. Аресты лишили «Союз» многих членов¹⁴ и, кроме того, хотя и не затронули непосредственно штаба, коснулись его учреждения¹⁵. Организация поколебалась. Бюджет, и без того сокращенный, стал определенно недостаточным, ибо часть денег была утрачена во время арестов, неожиданные же передвижения потребовали непредусмотренных по отделам штаба расходов.

Несмотря на вышеуказанное, я решил продолжать указанную операцию, ибо дальнейшее бездействие «Союза» приведет к новым арестам, к его распаду и переходу части людей на сторону немцев. Но продолжая ее, я считаю своим долгом предупредить Вас, милостивый государь, что операция, производимая на небольшие средства немедленно вслед за арестами и при половинном составе (вместо 1800 всего девятьсот человек) эвакуируемых людей требует упразднения иногородних формирований, прекращения выдачи жалования части уже сформированных полков в Москве, что не может не вызвать законного недовольства и сопряжена с большим риском, чего легко можно было избежать, утвердив представленную мною смету.

Примите, милостивый государь, уверение в моем совершенном уважении и преданности

Б. Савинков

Москва

10 (28) июня¹⁶ 1918 г.

Юнкер Павловского военного училища

С подлинным верно:

Флегонт Клепиков

ОР РГБ. Ф. 855. Карт. 3. Д. 68. Л. 4–4об. Рукописная копия.

^a *Odium* – ненависть, позор (лат.).

Примечания

¹ *Алексеев Михаил Васильевич* (1857–1918) – генерал от инфантерии, верховный руководитель Добровольческой армии.

² Речь идет о Донском гражданском совете под председательством генерала М.В. Алексеева, в состав которого входил Б.В. Савинков. Отметим, что закрепившееся в литературе название этого совещательного органа представляется условным.

³ Возможно, речь идет о «Союзе защиты Учредительного собрания» во главе с правым эсером В.М. Филипповским. Однозначность Филипповского для руководителей Добровольческой армии заключалась в том, что в августе 1917 г. он возглавлял ВРК по борьбе с мятежом генерала Л.Г. Корнилова.

⁴ Партии социалистов-революционеров.

⁵ То есть придворным, не опирающимся на массы. Преториум – палатка полководца в римской армии.

⁶ Здесь и далее подчеркнута Б.В. Савинковым.

⁷ Вероятно, *Перхуров Александр Петрович* (1876–1922) – полковник (впоследствии генерал-майор), начальник штаба «Союза защиты родины и свободы», один из организаторов и военный руководитель Ярославского восстания. Расстрелян.

⁸ Вероятно, *Страдецкий Борис Алексеевич* (1878–?) – полковник, командирован в январе 1918 г. из Ростова-на-Дону в Москву для связи с подпольными антибольшевистскими организациями, участник белого подполья, летом 1918 г. уехал в Добровольческую армию. Убит.

⁹ «Левый центр» стал основой подпольной организации «Союз возрождения России».

¹⁰ *Корнилов Лавр Георгиевич* (1870–1918) – генерал от инфантерии, командующий Добровольческой армией. Убит при штурме Екатеринодара 31.03 (13.04)1918 г.

¹¹ *Каледин Алексей Максимович* (1861–1918) – генерал от кавалерии, Войсковой атаман Донского казачьего войска. Застрелился 29 января 1918 г.

¹² Речь идет о «Национальном центре».

¹³ Речь идет о Ярославле или о Казани.

¹⁴ Речь идет о событиях конца мая – начала июня 1918 г.

¹⁵ Окончание неразборчиво. Возможно: «учреждений».

¹⁶ Так в документе. Подобное сочетание дат по-старому и новому стилям имеет только 10 июня (28 мая) 1918 г.